

ьюУДК 930.1

А. Я. ГУРЕВИЧ И ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ

Е.Б. Хромова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
kromovalena@mail.ru

Статья посвящена памяти известного российского историка А.Я. Гуревича. Рассматривается один из аспектов его многогранной деятельности, а именно исследование в русле истории ментальностей. Увидев в трудах этого направления, инспирированного работами французской историко-антропологической школы «Анналов», огромный интеллектуальный потенциал, А.Я. Гуревич стал одним из первых и ярчайших его представителей в России. Анализируется спектр проблем, решение которых связывалось А.Я. Гуревичем с использованием в историческом исследовании понятия «ментальность», имеющем как прикладное, так и методологическое значение.

Ключевые слова: А.Я. Гуревич, ментальность, идеи школы «Анналов», историческая антропология, Жак Ле Гофф, картина мира.

В 2014 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения известного историка-медиевиста, культуролога Арона Яковлевича Гуревича. И, хотя говорить об этом в сослагательном наклонении вроде бы не принято, хотелось бы вспомнить российского учёного, известность которого вышла за пределы нашей страны. По сути, он явился создателем историко-антропологического направления в отечественной науке. Его исследования оказали огромное влияние не только на современную российскую историческую науку, но и на другие гуманитарные науки – антропологию, культурологию, философию.

В статье нам хотелось бы остановиться на одном из интереснейших аспектов исследования этого учёного. Речь пойдёт об изучении ментальностей, направлении, инспирированном работами историков французской школы «Анналов».

Своим названием школа обязана одноимённому журналу. В 1929 г. французские историки Л. Февр и М. Блок начали издавать журнал «Анналы экономической и социальной истории», в котором стремились синтезировать достижения гуманитарных наук. «Именно эти попытки синтезировать данные гуманитарных наук, учитывая при этом всю сложность индивидуальной психики, и составят в дальнейшем исходный пункт метаисторической позиции школы Анналов» [*Автономова и др.*, 1998, с. 72].

Ключевое понятие, введенное Февром и Блоком в историческую науку, – *mentalité* (менталитет, ментальность). Его трудно перевести однозначно. Это и «умонастроение», и «мыслительные установки», и «коллективные представления», и «склад ума». Дебют понятия связывают с книгой французского этнолога Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление» (*La mentalité primitive*, 1922). Заместительный термин, по всей видимости, оказал влияние на Февра и Блока, поскольку максимально отвечал их концепции обновления исторического знания. Заслуга Февра и Блока в том, что они восприняли те подходы к изучению человеческой этнологии, которые разрабатывали психологи и этнологи, и смело использовали их в изучении истории. Ментальность, включая в себя сознательный и бессознательный элементы в поведении и деятельности человека, объединяла в комплекс междисциплинарные исследования, позволяла изучать человека в целостном измерении без деления на *homo religiosus*, *homo sesonomicus* и др. Таким образом, коллективное неосознанное получило «права гражданства» в исторической науке.

Историки школы «Анналов» одними из первых пришли к необходимости изучения импульсов поведения людей, их картины мира для правильного понимания хода исторических событий. Именно в антропологической школе «Анналов» проблема роли сознания человека в истории была поставлена как проблема менталитета. История с этих позиций стала рассматриваться в координатах антропологии: с точки зрения действующего в ней и оценивающего ее человека. Труды основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока положили начало мощному историографическому направлению, именуемому сегодня историей ментальностей или исторической антропологией. Их

идеи получили развитие в трудах их преемников как в самой Франции, так и во многих странах мира, определив на многие десятилетия вперед развитие как французской, так и мировой науки.

В России всестороннее развитие идеи школы «Анналов» получили в научной деятельности А.Я. Гуревича. Л.М. Баткин даже назвал его «представителем школы "Анналов" в Москве» [Баткин, 1994, с.19]. Увидев в трудах этой школы большой интеллектуальный потенциал, он предложил свою интерпретацию современного метода научного познания. Ключевой в этой системе остается проблема ментальностей, поскольку именно она дает возможность приблизиться к пониманию уровня сознания исторического человека и, соответственно, смысла его социального поведения.

Не будет излишним упомянуть, что Жак Ле Гофф, один из ярчайших представителей французской школы, склонен разделять «историческую антропологию» и «историю ментальностей». К первому направлению он относит всё, имеющее отношение к материальному бытию, функциям человеческого организма, обращая особое внимание на тело, жесты, ритуалы и т.п. То есть, придавая исторической антропологии значение глобальной концепции истории, Ле Гофф отделяет её от истории ментальностей, которая, по его мнению, охватывает сферу автоматических форм сознания и поведения, а также историю идеологий, историю воображения и историю ценностей [Гуревич, 1993, с. 297]. «Ему ближе принципы "тотальной" истории, стремящейся охватить весь доступный познанию спектр общественной жизни, все проявления культуры и поведения людей, организованных в группы и в общество. В конце концов, эмоции, ментальности, воображаемое суть не что иное, как проявление внутренней жизни человеческого индивида, они представляют собой акциденции той субстанции, каковой является личность» [Гуревич, 1999, с. 9-10]. По мнению же А.Я. Гуревича, проблематика и методы исторической антропологии и истории ментальностей настолько переплетены между собою, что вряд ли поддаются обособлению. Поэтому историческая антропология трактуется Гуревичем буквально – как наука о человеке в истории.

Ментальность, по мнению А.Я. Гуревича, является первой проблемой исторического исследования, «ибо любой социальный феномен надлежит рассмотреть как бы погруженным в тот повсюду разлитый эфир, который образует ментальность эпохи» [Гуревич, 1993, с. 20]. Ее изучение должно быть отправной точкой любого исследования. Однако это не только отправной пункт, но и метод изучения как культуры, так и всех других аспектов истории – социально-экономических, правовых, политических. Все эти аспекты поддаются изучению посредством изучения ментальности. «Менталитет, если угодно, есть внеличный аспект сознания личности. Ментальные установки обнаруживаются во всех сферах человеческой жизнедеятельности, от повседневного быта, хозяйственной активности и групповых связей до религиозных отправлений и поэзии. Трудность, сопряженная с проникновением в ментальную сферу, определяется прежде всего тем, что человек прошлого, на которого направлено познание историка, расположен внутри своего «ментального пространства», а потому не воспринимает его как нечто отделенное от него, противостоящее ему. Будучи проблемой для исследователя, менталитет не становился проблемой для тех, кто пребывал в этой ментальной среде [Гуревич, 2005, № 75].

Как уже было указано, использование категории ментальности основателями «Анналов» имело наряду с прикладным и важное методологическое значение. Наряду с «внешним» описанием явлений прошлого, каким оно видится нашему современнику, исходящему из ныне принятой системы понятий, вырисовывается человеческая личность, ее социальный и природный мир в восприятии людей изучаемой эпохи. «Объективный» образ истории, выражаемый в понятиях и категориях современной науки, дополняется «субъективным» видением мира людей прошлого. Благодаря учету менталитета изучаемой эпохи картина истории становится стереоскопичной и правдивой. Появляется целостное представление о жизни людей, наделенное смыслом и значимостью. Ментальность в данном случае выступает «как своеобразный историко-культурный "эфир", в который погружено наше сознание» [Гуревич, 1993а, с. 50] и который необходимо учитывать историка для воссоздания внутреннего мира людей прошлого.

Именно изучение и реконструкцию картины мира людей прошлого считал А. Я. Гуревич центральной проблемой истории ментальностей. Если человеку можно задать вопрос о его мировоззрении, вероисповедании, эстетических вкусах, надеясь получить ответ, то на вопрос «Какова твоя картина мира?» он ответить не сумеет. Ведь об этом мы не думаем и даже не подозреваем о ее существовании. Тем не менее любой из нас обладает некоторой картиной мира, большая часть которой скрыта от нашего сознания. Комментируя в одной из своих статей известное высказывание

нашего небезызвестного премьер-министра «Хотели как лучше, а вышло как всегда», Гуревич пишет: «Срабатывают некоторые инерционные силы – наш невеселый опыт, переходящий из поколения в поколение, привычки нашего сознания, наша картина мира; и сколько бы мы ни трепыхались, а получается так, как было до этого» [Гуревич, 2000, с. 54]. В любом случае картина мира не сформулирована и в принципе не поддается формулировке ее носителем. Дело обстоит так же, как с «прозой» у господина Журдена из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Подобно мольеровскому герою, не догадывавшемуся о том, что он говорит прозой, наш воображаемый собеседник не знает, да и не задумывается, что обладает менталитетом, определённой картиной мира. Но если человек обладает картиной мира, не подозревая о ее существовании, то и картина мира владеет человеком, и тем полнее, чем меньше она подконтрольна его сознанию. «Неосознанность картины мира – условие ее эффективности, гарантия ее могущества» [Гуревич, 1993б, с. 26]. Поскольку картина мира – продукт культуры в антропологическом смысле понятия, любой представитель конкретного общества не может не разделять присущего данному обществу взгляда на мир и не интегрировать заложенную в сознание «сетку культурных координат» [Там же]. Личность принимает решения и совершает поступки, оставаясь в пределах «сценария», навязанного ей культурой.

Продолжительное время длящиеся споры о самом термине доказывают, насколько неопределённо и расплывчато понятие *mentalité*. Согласимся с мнением Ж. Ле Гоффа о том, что понятие это не лишено двусмысленности и расплывчатости. Но в этом даже усматривается его богатство и многозначность. Ле Гофф предложил следующее определение этого термина: «Ментальность любого исторического индивида, сколь бы значимым он ни был, представляет собой то общее, что этот индивид разделяет с другими людьми своего времени» [*Le Goff*, 1974, р. 76–94]. Поскольку ментальность принадлежит сфере «неявного, имплицитного», «диффузного и размытого» [*Ле Гофф*, 1991, с. 30], то ее раскрытие затруднено. Тем не менее, настаивает А.Я. Гуревич, если стремиться к тому, чтобы не только рассматривать поведение индивидов и коллективов «извне», с позиций стороннего наблюдателя, остающегося в XX или XXI в., т.е. на позитивистский манер, но и попытаться увидеть его «изнутри», то без осторожного и вдумчивого использования понятия менталитета не обойтись [Гуревич, 2012, № 75]. Для того чтобы приблизиться к постижению их мировосприятия, нужно попытаться вникнуть в содержание основных ментальных категорий.

Коренными категориями сознания являются время – пространство, личность, социум, оценка права и обычая, осознание труда, богатства, бедности, соотношение земного и трансцендентного и т.д. Люди воспринимают и моделируют действительность только при посредстве этих категорий. Вне этой системы невозможна никакая деятельность. Поэтому поведение людей неотрывно от их картины мира, заложенной в их сознание языком, религией, воспитанием, социальным общением. Исходя из этого, диапазон интересов истории ментальностей необычайно широк. Назовем лишь приблизительную тематику:

- отношение к труду, собственности, богатству, бедности;
- понимание природы права и обычая;
- образ природы и ее познание, способы воздействия на нее;
- понимание места человека в структуре мироздания;
- оценка возрастов жизни (в частности детства и старости);
- восприятие смерти;
- отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальная мораль и практика;
- отношение мира земного и трансцендентного;
- трактовка пространства и времени;
- соотношение культуры элиты с фольклорной культурой;
- формы религиозности, присущие «верхам» и «низам»;
- социальные фобии, коллективные психозы;
- история праздников и обычаев;
- способы самосознания личности.

Перечень этот остаётся открытым и постоянно пополняется новыми темами. При всем разнообразии тем он имеет «ось» – проблему человеческой личности, структурируемой в соответствии с типом культуры [Гуревич, 1993б, с. 27]. Именно поэтому современное исследование ментальностей предстает в качестве культурно-исторической антропологии, которая выражает, по мнению А.Я. Гуревича, сущность новой парадигмы, новой ориентации всего гуманитарного исследования,

не только исторического, но и искусствоведения, социологии, самых разных социальных наук [Гуревич, 2000, с. 137].

Таким образом, постановка вопроса о системе социально-культурных представлений того или иного общества, иначе, о его картине мира, и есть центральная задача истории ментальностей. Согласно А.Я. Гуревичу, ментальности – это социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. «В то время как всякого рода теории, доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальности диффузны, разлиты в культуру и обыденном сознании» [Гуревич, 1989а, с. 75]. В его представлении, менталитет – это живая, изменчивая и при всем том поразительно устойчивая константа, «магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции» [Гуревич, 1989, с. 456]. Вслед за французскими коллегами А.Я. Гуревич не согласен с тем, что нечеткое определение понятия «менталитет» является его слабостью. Есть вещи, которые объективно существуют, но которые трудно четко определить. Неочерченность поля значений, охватываемых понятием «менталитет», по его мнению, свидетельствует о том, что это явление не осознавалось полностью самими людьми. Именно поэтому *mentalité* оказывается неодолимой силой, не подвластной контролю нашего сознания.

В рамках истории ментальностей в работах Гуревича находит продолжение изучение культуры «безмолвствующего большинства» в Средние века [Гуревич, 1990]. У этого ученого, «пылко любящего М. Блока и сдержанно уважающего Л. Февра, выработалась убежденность, что реальность исторического процесса состоит в повседневной жизни подавляющего числа индивидов. И правду о средневековье, по его мнению, следует высматривать не в культуре «высоколобых», а невежественной, непричесанной массы прихожан, преимущественно мужичьей массы» [Баткин, 1994, с. 21]. В связи с этим появилась необходимость по-новому взглянуть на источниковедческую базу, прибегнув к сравнению источников как «высших», так и «низших» жанров. Это расширило кругозор историков, проблематика исследований их изменилась в результате изучения новых источников, ранее не представлявших интересными.

Эти поистине революционные преобразования А.Я. Гуревич сравнивает с «лесным пожаром», который его «обжёг», заставив окунуться в эту интереснейшую работу. «Задача состояла в том, чтобы открыть эту Атлантиду культуры, которая была потоплена усилиями средневековых богословов, церковных деятелей, с одной стороны, и историков XIX–XX веков – с другой, попытаться разыскать хотя бы контуры этой Атлантиды... Это не миф, а реально существовавшая в истории культура, и следовало реконструировать хотя бы какие-то стороны этого потопленного мироздания» [Гуревич, 2004, с. 224].

Новое видение науки не было простым подражанием подходам французских историков. Ведь представители школы Блока, Февра, Броделя, а также те, кто шёл за ними: Ле Гофф, Дюби, Леруа Ладюри и др. – были и остаются романоцентричными. Мир за пределами романоязычных стран (Франции, Италии, Испании, Каталонии) оставался за рамками их исследований. А.Я. Гуревич же открыл иную перспективу, увлекшись скандинавской проблематикой. Ему удалось выявить в Скандинавском регионе такие пласты средневековой культуры, которые в христианизированных и романизованных странах были подавлены, к примеру, господством латинского языка, засильем теологической мысли, которые более успешно, чем на Севере, искореняли пережитки прошлого. Таким образом, включение А.Я. Гуревичем северного региона в круг научных исследований дало новый импульс разностороннему изучению ментальности средневекового мира.

Вопрос о взаимоотношениях культуры «верхов» и культуры «низов» непременно связывается с проблемой носителей менталитета. А.Я. Гуревич полагает, что следует признать наличие как некоего ментального фонда, так и ментальностей, присущих разным группам и классам общества, поэтому возможны самые разные уровни исследования ментальностей. «Ментальность одновременно обща для всего общества... и дифференцируется в зависимости от его социально-классовой и сословной структуры, от уровня образования и принадлежности к группам, имеющим доступ к книге и образованию и живущим в ситуации господства устной культуры, от половозрастных и региональных различий» [Гуревич, 1993б, с. 21]. Поэтому историки говорят не о «ментальности», а о «ментальностях». Констатируя таким образом то, что в сознании каждого человека можно обнаружить разные пласты. А.Я. Гуревич поставил проблему многослойности человеческого сознания.

Есть еще одна проблема, навеянная трудами ученых французской школы, представляющаяся интересной А.Я. Гуревичу. Это ментальность историка ментальности. Поскольку работы, которые пишутся в настоящее время, становятся источниками для будущих исследователей, важно оставаться в социально-политической атмосфере современности независимым исследователем, подчиняясь лишь «логике развития исторического знания» [Гуревич, 1993в, с. 199].

Итак, исследования А.Я. Гуревича в области истории ментальностей определили те идеи и направления, развитие которых создаёт базу исторической антропологии как направления познания социокультурной истории человечества. Не будет преувеличением сказать, что для многих представителей социально-гуманитарного знания России «антропологический поворот», о котором сейчас много говорят, связывается с именем А.Я. Гуревича. Тот научный потенциал, который содержится в его многочисленных работах, предоставляет возможность молодым учёным-гуманитариям внести и свой вклад в познание человека как культурно-исторической личности.

Библиографический список

- Автономова Н.С., Караулов Ю.Н., Муравьев Ю.А. Культура, история, память: о некоторых тенденциях новейшей французской историко-методологической мысли // Вопросы философии, 1998. № 3.
- Баткин Л.М. О том, как Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. Человек в истории. М., 1994.
- А. Гуревич. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.; СПб., 1999.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М. 1993.
- Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (размышления медиевиста) // НЛЮ. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения: 31.01. 2014).
- Гуревич А.Я. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности // Одиссей. Человек в истории. М., 2000.
- Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.
- Гуревич А.Я. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989.
- Гуревич А.Я. Ментальность как пласт социальной целостности// Споры о главном: Дискуссии о настоящим и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993а.
- Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу// Споры о главном: Дискуссии о настоящим и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993б.
- Гуревич А.Я. Логика политики или логика познания? // Споры о главном: Дискуссии о настоящим и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993в.
- Гуревич А.Я. Подводя итоги // Одиссей. Человек в истории. М, 2000.
- Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Ле Гофф Ж. С небес на землю// Одиссей. Человек в истории. М., 1991.
- Споры о главном: Дискуссии о настоящим и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
- Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë // Faire de l'histoire: nouveaux problèmes. Paris, 1974.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.02.2014

ARON YA. GUREVICH AND HISTORY OF MENTALITIES

E.B. Khromova

Perm National Research Politechnic State University, Komsomolsky ave., 29, 614990, Perm, Russia
kromovalena@mail.ru

The article is devoted to the memory of the remarkable Russian historian Aron Gurevich and reveals his study of mentality. As it is known, the works by the Annales School historians initiated the beginning of the powerful historiographical school – history of mentality, or history of anthropology. Their ideas have been developed by the scholars from many countries. In Russia the Annales ideas were developed in the works of Gurevich who offered his own interpretation of modern method of cognition and declared that the study of mentality gave a possibility to understand human consciousness and the meaning of his social behavior. In the study of mentality the scholar paid great attention to the reconstruction of the worldview of the past which acquires to understand the key mental categories, such as space, person, society, law and custom assessment, labor awareness, wealth, poverty, earthly and transcendent values, interpretation of space and time, forms of religiosity, history of holidays and customs, etc. Along with

the study of Romanesque Medieval history Gurevich introduced Scandinavian issues into the history of mentalities. Moreover, the term "anthropological turn" is associated with the name of Gurevich for many Russian scholars.

Key words: mentality, ideas of the Annales School, historical anthropology, Jacques Le Goff, worldview.

References

- Avtonomova N.S., Karaulov Yu.N., Murav'ev Yu.A.* Kul'tura, istoriya, pamyat': o nekotorykh tendentsiyakh noveyshey frantsuzskoy istoriko-metodologicheskoy mysli // *Voprosy filosofii*, 1998. № 3.
- Batkin L.M.* O tom, kak Gurevich vzdelyval svoj allod // *Odissey. Chelovek v istorii*. M., 1994.
- Gurevich A.* Izbrannye trudy. T. 2. Srednevekovyy mir. M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 1999.
- Gurevich A.Ya.* Istoricheskiy sintez i shkola «Annalov». M. 1993.
- Gurevich A.Ya.* Istoriya v chelovecheskom izmerenii (razmyshleniya medievista) // *NLO*. 2005, № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (data obrashcheniya: 31.01. 2014).
- Gurevich A.Ya.* Istoriya kul'tury: beschislennye poteri i upushchennye vozmozhnosti // *Odissey. Chelovek v istorii*. 2000. M., 2000.
- Gurevich A.Ya.* Istoriya istorika. M., 2004.
- Gurevich A.Ya.* Mental'nost' // 50/50. Opyt slovarya novogo myshleniya / pod red. Yu. Afanas'eva i M. Ferro. M., 1989.
- Gurevich A.Ya.* Mental'nost' kak plast sotsial'noy tselostnosti// Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly «Annalov». M., 1993a.
- Gurevich A.Ya.* Ot istorii mental'nostey k istoricheskomu sintezu// Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly «Annalov». M., 1993b.
- Gurevich A.Ya.* Logika politiki ili logika poznaniya? // Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly «Annalov». M., 1993v.
- Gurevich A.Ya.* Podvodya itogi // *Odissey. Chelovek v istorii*. M, 2000.
- Gurevich A.Ya.* Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii // *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podkhody*. M., 1989. Vyp. 1.
- Gurevich A.Ya.* Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva. M., 1990.
- Le Goff Zh.* S nebes na zemlyu// *Odissey. Chelovek v istorii*. 1991. M., 1991.
- Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly «Annalov». M.: 1993.
- Le Goff J.* Les mentalités. Une histoire ambiguë // *Faire de l'histoire: nouveaux problèmes*. Paris, 1974